

принужден я был скрываться от своих недругов. *То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство!*» (стр. 332).

Реально-исторический материал Пугачевского восстания (прощение Пугачевым капитана Башарина) претерпевает, таким образом, серьезную деформацию. «Повесть отличается от истории, — писал А. Цейтлин: — Гринева прощают не по просьбам солдат, а из-за „заячьего тулупчика“... Изменение мотивировки было явно обусловлено потребностями сюжетосложения».⁸¹ Законен вопрос: что же это за «потребности»? Почему Пушкин должен был отказаться от такой убедительной мотивировки прощения, как заступничество гарнизона, — обусловления, которое прямо диктовалось документами и ничуть не противоречило замыслу «Капитанской дочки»? Ответить на этот вопрос вразумительно — значит признать, что деформация была вызвана не абстрактными «потребностями сюжетосложения», а нормами сказочной организации повествования, поскольку «сказка, — если верить Проппу, — увлекает в свой мир только то, что укладывается в ее конструкцию».⁸²

Встреча с Пугачевым аналогична встрече с чудесным помощником не только в плоскости сюжетных последствий, но и в аспекте локальных и предметных символов, участвующих в текстовой организации этого эпизода.

Вот что пишут Вяч. Вс. Иванов и Топоров о пространственных классификаторах в древнеславянских знаковых системах: «К числу ... выморочных мест относятся ... овраги, трущобы, а также распутья, перекрестки дорог, границы полей и т. д. ... Особая роль ... этих мест ... отражена в былинах и сказках, где с ними сопряжена необходимость выбора между жизнью — смертью, долей — недолей».⁸³ Как раз к «выморочному месту» и приурочено столкновение Гринева с Вожатым. Встреча происходит на распутье (на это указывает присутствующая в пушкинском тексте пространственная оппозиция *правый/левый*, которая обсуждается в разговоре ямщика с Пугачевым), в поле, неподалеку от оврагов: «Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все было покрыто снегом» (стр. 286—287).⁸⁴

Предварительному испытанию сопутствует метель.⁸⁵ Не исключено, что этот символ имеет то же значение, которое, например, в исландском фольклоре в сходном контексте приписано туману: «Мистический туман, — свидетельствует Мелетинский, — играет важную роль в исландских сказках: он всегда предшествует появлению чудесных лиц, людоедов или разбойников, демонических персонажей».⁸⁶ Да и в русских сказках контакт с волшебными силами иногда сопряжен с символами ненастья: «Отец повел своево сына, Ванюшку, учить. Застала их дорогой буря — ненастье. Пошел дош. Заблудились они. Пришли нечаянно к какому-то дому. — „Станем мы, тятка, к забору: не так будет нас дождем бить“. А в этом доме живет старик — ему 500 годов» (Зеленин, № 1). Нако-

⁸¹ Александр Цейтлин. Мастерство Пушкина. М., 1933, стр. 72.

⁸² В. Я. Пропп. Трансформации волшебных сказок, стр. 82.

⁸³ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 174.

⁸⁴ То же — в пушкинских «Бесах». Об устойчивости значения «выморочных мест» в поэтической традиции, в частности у Пушкина, Блока и Пастернака, см.: И. П. Смирнов. Анализ стихотворения Б. Л. Пастернака «Метель» (в печати).

⁸⁵ Ср. пушкинскую «Метель». Чудесные события, в которые вовлечена героиня этой новеллы, сопровождаются изображением зимнего ненастья. Оба героя новеллы — Бурмин и бедный прапорщик Владимир — застигнуты бурей в «выморочном месте».

⁸⁶ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки, стр. 188.